

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНСКОГО МИДа В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРЕССЫ (1902–1904)

Д. Вульф

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

Поступила в редакцию 14 февраля 2019 г.

Аннотация: статья посвящена вопросу об активизации политики по отношению к российской общественности германским МИДом в начале XX в., которая была связана с новыми реалиями в германо-русских отношениях. В фокусе находятся попытки установить стабильные рабочие контакты с журналистами в Санкт-Петербурге, а также получить контроль над отдельными газетами.

Ключевые слова: Россия, Германия, Бернхард фон Бюлов, В. К. Плеве, Т. Шиманн, российско-германские отношения, русская пресса, внешняя политика.

Abstract: the article is devoted to the issue of activating policy towards the Russian public by the German Foreign Ministry at the beginning of the twentieth century, which was connected with new realities in German-Russian relations. The focus is on attempts to establish stable working contacts with journalists in St. Petersburg, as well as gain control over some newspapers.

Key words: Russia, Germany, Bernhard v. Bülow, V. K. Pleve, Th. Schiemann, Russian-German relationship, Russian newspapers, foreign policy.

На рубеже XIX–XX вв. попытки германского правительства повлиять на общественность в России имели уже достаточно длительную традицию [1; 2]. Но лишь после прихода на должность статс-секретаря Внешнеполитического ведомства Бернхарда фон Бюлова политика в отношении иностранной прессы стала важнейшим инструментом «мировой политики» (Weltpolitik), оставаясь, однако, не слишком успешной. Прежде всего ей не хватало систематичности. Чиновники Внешнеполитического ведомства в Берлине и дипломаты в зарубежных представительствах ограничивались наблюдением газет и журналов, снабжением прессы сведениями и дипломатическими протестами в случае публикации статей антигерманской направленности [3, S. 36–38]. Низкая эффективность этих усилий заставила германское правительство, главой которого с октября 1900 г. стал Бюлов, переосмыслить свою политику, тем более что внешнеполитические обстоятельства заставили нового рейхсканцлера искать пути сближения с Россией [4, S. 356–395; 5, S. 13–92; 6, с. 93–154]. Выражением новой стратегической направленности стал подписанный рейхсканцлером Бюловым 21 июня 1902 г. приказ, направленный во все посольства и в другие важные представительства Германии: «Учитывая ту огромную важность, которую пресса, особенно ежедневная, имеет не только для внутренней политики, но и для международных отношений, – писал Бюлов, – недостаточно того, что дипломатические мис-

сии просто внимательно следят за органами общественного мнения в странах, где они работают, и сообщают сюда о заслуживающих внимания фактах. Вместо этого совершенно необходим личный контакт с компетентными, хорошо информированными и надежными представителями прессы». В качестве примера он привел деятельность российской дипломатии в Великобритании, влияние Франции на прессу в Риме и Великобритании в Вашингтоне [7; 8, S. 120]. В качестве стратегической задачи политики в области печати канцлер обозначил привлечение новых союзников для Германии (или сохранение лояльности старых), а также лоббирование экономических интересов. Указ предусматривал и другие меры, например, создание глобальной телеграфной сети и сети агентств новостей [3, S. 31–39].

Ввиду растущих противоречий с Великобританией и предстоящих переговоров о заключении торгового договора с Россией, которые из-за германского аграрного протекционистского таможенного тарифа таили в себе значительный конфликтный потенциал [8, S. 56–123; 9, S. 310–318], приказ был обращен в первую очередь к представительству в Санкт-Петербурге и, по-видимому, застал посольство врасплох, поскольку его политика в области печати, за исключением редких действий прежнего посла (до 1900 г.) Радолина, ограничивалась рутинными жалобами в Министерство на Певческом мосту. В самом деле, контакты посольства с российскими газетами и журналистами были крайне скромными. Оно могло сослаться лишь на хорошие отношения с официальным российским телеграфным агентством, а также с

«St. Petersburg Zeitung» и «Journal de St. Petersbourg», которые были с точки зрения формирования общественного мнения практически бесполезны. С русскоязычной прессой контактов не было. Таким образом, послу Фридриху Йоханнесу Графу фон Альвенслебену, занявшему свой пост в Санкт-Петербурге в 1901 г., в запоздалом ответе на постановление Бюлова, не оставалось ничего иного, как уклончиво объяснить, что поддержание прямых отношений с российской прессой является «трудной и неблагодарной задачей». Из провала скромных усилий, предпринятых до сих пор, Альвенслебен сделал вывод, что «несмотря на все меры предосторожности, риск из-за контактов с представителям российской прессы является гораздо более значительным по сравнению с небольшими преимуществами, которые это приносит» [10]. Примечательно, что посол, объясняя свою пассивность, использовал те же аргументы, которые обычно выдвигал российский МИД против жалоб Германии. Он сослался на относительную свободу прессы в области внешней политики и незначительный отклик общественности на внешнеполитические статьи. Официально Бюлов одобрил доклад Альвенслебена, хотя он мало отвечал его планам [11]. Однако пресс-секретарь Бюлова Хамманн, который уже в силу своей должности был заинтересован в более активной позиции зарубежных представителей в вопросах печати, не видел причин проявлять в отношении пассивности Альвенслебена предупредительность. Хамманн горько жаловался на посла, что его позиция сводилась к следующему: «Лишь бы ничего не говорить, всегда хранить молчание и принимать все спокойно» [12]. Требование посла призвать прессу кайзеровской империи в интересах германо-русских отношений к спокойствию еще больше усилило его гнев. Русские газеты «пишут неслыханные вещи, а наши должны взвешивать каждое слово», – возмущался Хамманн.

Посольство Германии в Санкт-Петербурге, вопреки приказам канцлера и протестам пресс-секретаря, продолжило оборонительную политику в области печати. Чтобы избежать впечатления беспомощности, Альвенслебен по-прежнему просто игнорировал многочисленные германофобские статьи в российской прессе. Немногие дружественные статьи в адрес Германии, напротив, подчеркивались в дипломатической переписке как явный признак улучшения отношения к Германии, которое было крайне необходимо уже хотя бы из-за плохой внутри- и внешнеполитической ситуации в царской империи [13]. Хотя находящееся в его подчинении Генеральное консульство в Санкт-Петербурге располагало штатом сотрудников для того, чтобы анализировать российские газеты, число и без того немногочисленных донесений о событиях в прессе сократилось еще

сильнее, что вызвало справедливые жалобы со стороны Вильгельмштрассе. Противоречивые и уклончивые сведения со стороны дипломатов в Санкт-Петербурге, естественно, не дали желаемого успокоительного эффекта на Вильгельмштрассе. Вильгельм II продолжал ругаться на российскую «свинскую прессу», которая подрывала солидарность трех европейских монархий [14, S. 83]. С учетом всего этого вывод, сделанный Альвенслебеном в ежегодном отчете о связях с прессой за 1903 г. о том, что произошло некоторое улучшение, был не слишком уместным [15].

«Легкое улучшение» отношения со стороны русской прессы к Германской империи, если вообще имело место быть, было заслугой министра внутренних дел России В. К. Плеве. Плеве, происходивший из рода прибалтийских немцев, по крайней мере, создавал впечатление, что, в отличие от своих предшественников по Министерству, он, действительно, пытался сдерживать слишком резкое поведение русской националистической прессы. Его первая же встреча с послом Альвенслебеном летом 1902 г. в этом отношении сразу имела положительный эффект. Хотя министр осторожно признал, что он все еще слишком недавно на своем посту, чтобы судить о ситуации окончательно, тем не менее заверил, что в будущем выходкам прессы будет уделять «самое пристальное внимание и эффективно противостоять всем подобным попыткам, ...вмешиваться в “entente cordiale”, существующей между Германией и Россией» [14, S. 51]. Плеве по собственной инициативе поддерживал связь с посольством. Там, со своей стороны, с удовлетворением отмечали, что министр внутренних дел по большей части держал данное им обещание. Так, например, из-за статей, направленных против Германии, он сделал официальное замечание редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» князю Ухтомскому, в газете которого печатался также бывший министр внутренних дел И. Н. Дурново [16, S. 391–392]. Очевидно, по совету Плеве, Ухтомский еще раз разъяснил германскому послу мотивы своих публикаций. Вполне в духе министра внутренних дел он ясно дал понять, что «нападки конкретно из-за балканской политики Германии были направлены не столько против самой Германии, сколько против графа Ламздорфа, против которого нельзя писать прямую». Министру иностранных дел не прощают его якобы слабую политику на Ближнем Востоке, из-за которой Россия теряет свое влияние в Константинополе. А поскольку турки неизменно обращались к Германии за помощью, к сожалению, ее сложно было не упоминать [17]. Тот факт, что нападки были направлены против В. Н. Ламздорфа, который вместе с министром финансов Витте в ожесточенном противостоянии вокруг политики на Дальнем Востоке в

начале XX в. возглавлял лагерь противников Плеве, указывал на то, что министр внутренних дел, со своей стороны, был готов воспользоваться в этом конфликте своими тесными контактами с посольством Германии.

Уже в мае 1904 г. контакты между Плеве и германским посольством приобрели особую актуальность. После двух лет ожесточенных переговоров Германия и Россия, вовлеченная в войну с Японией, находились на пороге заключения очередного торгового соглашения. Для Вильгельмштрассе успешное завершение этого экономического конфликта имело крайне важное внутривластное значение. Такая чувствительность объясняла раздражение, вызванное гневными атаками некоторых петербургских газет, особенно «Руси» и «Нового времени». Они обвиняли кайзеровскую империю в отсутствии политической поддержки России во время ее конфликта с Японией и даже в предательстве. Кроме того, Германия ставила жизненно важное для России открытие своего денежного рынка в зависимость от согласия последней со значительным повышением таможенных пошлин на зерно, что, по мнению газет, угрожало успешному завершению торговых переговоров.

13 мая 1904 г. Альвенслебену было поручено обратиться с ходатайством к Плеве и, по собственному усмотрению, также к Ламздорфу и указать им на антигерманские инсинуации газеты «Русь», издаваемой старшим сыном издателя «Нового времени» А. С. Суворина – А. А. Сувориным. Она проповедует недоверие в отношениях с Германией и вменяет ей враждебные намерения, говорилось в письме. Тот факт, что правительство в Санкт-Петербурге допускает подобное нарушение своих собственных политических интересов, является «очень тревожным симптомом современности» [18]. После того, как об этой кампании узнал император Вильгельм II и пригрозил «неприятностями», спустя всего два дня представительству в Санкт-Петербурге было отправлена новая инструкция Бюлова. Он был бы рад, значилось в письме, если бы в соответствии с ожиданиями императора удалось бы «положить конец парадоксальному положению, при котором русская пресса во время восточноазиатских осложнений по-прежнему зачастую обходится с Германией, другом в беде, чрезвычайно недружелюбно» [19]. Хотя Плеве, должно быть, прекрасно понимал, что эта нарочито подчеркнутая дружба ввиду русско-японской войны со стороны Германии до сего момента принесла России мало пользы и, конечно же, не была бескорыстной, тем не менее встреча немецкого посла с министром внутренних дел России прошла необычайно положительно. Плеве сразу согласился поставить «Русь» на место [20]. Альвенслебену показались его попытки угодить германскому правительству почти странными.

Необычайная уступчивость царского министра внутренних дел в данном вопросе и в данный момент объяснялась разными мотивами. В глазах Альвенслебена Плеве был «как и все вероотступники... ревнителем православия и славянства» [Ibid.]. Но даже будучи, по мнению немецкого посла, по натуре фальшивым и ненадежным, он, возможно, все же сохранил остатки привязанности к стране своего происхождения. Решающим же фактором, считал Альвенслебен, было то, что Плеве, ввиду социальных волнений в его стране, не хотел потерять поддержку единственной сильной монархии в Европе – Германской империи.

И действительно, для Плеве связи с германским посольством стали играть немаловажную роль в конфликтах внутри правительства, в частности, между придворной кликой вокруг А. М. Безобразова и прагматиками вокруг министра финансов С. Ю. Витте и министра иностранных дел М. Н. Ламздорфа. В борьбе за политическое влияние реакционеры из лагеря Безобразова и Плеве в 1902–1903 гг. явно одержали верх. Витте потерял свой министерский портфель, а министр иностранных дел был в значительной степени отстранен от ведения дел на Дальнем Востоке. Только весной 1904 г. позиция Витте, который умело использовал свою роль руководителя переговоров по торговому договору с Германией, и Ламздорфа немного консолидировалась. Предстоящее решение о торговых переговорах весной 1904 г. предоставило обеим сторонам платформу для урегулирования личного конфликта.

14 мая 1904 г. в Петербурге состоялось совещание министров, на котором должно было быть принято решение о заключении договора [21]. Поскольку все участники придерживались единого мнения, что выполнение главного требования Германии – значительное увеличение минимальных таможенных пошлин на ввоз зерна – было неминуемо, то фактически на повестке дня стоял лишь вопрос о сроках подписания договора. Витте и Ламздорф призвали к дальнейшему затягиванию переговоров, чтобы как можно дольше сохранить для аграрных производителей в России старые, более выгодные пошлины на зерно. Несмотря на необходимость политической поддержки со стороны Германии ввиду неблагоприятного развития в войне с Японией, они не видели в этом никаких политических и финансовых рисков [22, с. 17–18]. Плеве и великий князь Александр Михайлович, в то время возглавлявший Главное управление торгового мореплавания и портов, напротив, требовали скорейшего заключения договора, не слишком убедительно аргументировав это той же политической необходимостью и сохранением монархической солидарности. В конечном счете лагерь Плеве победил. Витте получил от императора поручение отправиться к канцлеру Бюлову на остров Нордерней и довести перегово-

ры до быстрого завершения. Камарилья, таким образом, добилась еще и того, что Витте должен был своими же руками в кратчайшие сроки устранить единственный в данный момент оставшийся у него рычаг политического влияния – переговоры с Германией.

Такое решение конфликта, устраивавшее В. К. Плеве и Германию, ни в коем случае не должно было сопровождаться рискованной русско-германской полемикой в прессе. Помимо того, что такая полемика омрачила бы атмосферу в двусторонних отношениях в самый ненужный момент, она в первую очередь позволила бы Витте затянуть переговоры, сославшись на разгневанное общественное мнение. Скорейшему подписанию договора содействовала бы только организация доброжелательного сопровождения в прессе обеих стран. В Петербурге эту задачу взял на себя Плеве, в Берлине, по поручению Бюлова, – Хамманн.

В Германии особенно угрожали выполнению договоренности между Плеве и Альвенслебеном статьи известного историка и публициста Теодора Шиманна, печатавшегося в консервативной «*Kreuz-Zeitung*», чья близость к кайзеру была хорошо известна. Шиманн чувствовал себя в германском Внешнеполитическом ведомстве почти как дома. Он имел доступ к актам и иногда получал небольшие суммы денег из специального фонда канцлера [3, S. 34; 23, S. 52–56; 24, S. 35; 25, S. 15; 26, p. 411–425]. Отношения Шиманна с Бюловым были двойственными. Хотя обычно он следовал за правительством в важных политических вопросах, тем не менее он не чуждался и критики в адрес канцлера [27, S. 80–81].

В своей еженедельной колонке в «*Kreuz-Zeitung*» Шиманн до мая 1904 г. созвучно ожиданиям Внешнеполитического ведомства оптимистично оценивал перспективы России в борьбе против Японии, в то же время весьма скептически отзываясь о политике царского министра внутренних дел Плеве. Его политика, направленная против реформ, писал он в статье от 11 мая 1904 г., – в тот момент, когда в Санкт-Петербурге созрело решение о торговом договоре, не сможет надолго утвердиться, «потому что эта политика является частью системы, которую представлял Александр III и на которой лежит вина за нынешнюю войну и ее неблагоприятное начало» [28, S. 148].

После того как Плеве во время встречи 21 мая пообещал Альвенслебену предпринять энергичные действия против антигерманских статей в российской прессе, Хамманн немедленно направил Теодору Шиманну указание: «...ничего против Плеве не подвергать нападкам действующих министров» [20]. После этого, подчиняясь инструкциям, публицист воздерживался от высказываний о российском министре внутренних дел вплоть до убийства последнего

27 июля 1904 г. Плеве и Альвенслебен с удовлетворением отметили, что надоедливая полемика в органах печати обеих стран утихла [29–31]. Однако все более катастрофические для России новости с Дальнего Востока со второй половины июня 1904 г. являлись для профессионального историка Шиманна новым вызовом. Он был вынужден продолжать с оптимизмом комментировать военные перспективы царской империи, хотя и в несколько ослабленной форме, но больше не мог обойти последствия военного бремени для внутренней ситуации в России. Соответственно в своей статье он нарисовал картину экономической катастрофы, разочарования и разрастания славянофильского национализма, не упоминая, однако, Плеве по имени. Даже такие оценки вызвали раздражение на Вильгельмштрассе. Его статья от 13 июля 1904 г., когда торговые переговоры на Нордерней были в полном разгаре, в которой он предсказал, что Россию ожидает плохой урожай зерна и, как следствие, неблагоприятные экспортные перспективы, стала последней каплей [28, S. 214–215]. Сам рейхсканцлер Бюлов считал себя вынужденным вмешаться. Под заголовком «Что нам дает такой пессимистичный взгляд на вещи» 15 июля 1904 г. канцлер направил заместителю статс-секретаря Внешнеполитического ведомства Отто фон Мюльбергу и Хамманну заметку, в которой указывалось на то, какие опасности таит в себе такого рода негативный анализ [32]. Если русские поверят мрачным прогнозам, нарисованным Шиманном, то придут к соглашению с Японией и Англией «и направят свою энергию вместо Дальнего Востока вновь на Турцию, Австрию и наши восточные границы». Если же русские воспримут эти негативные оценки как преувеличенные, то «увидят в этом доказательство немецкой враждебности. Это впечатление будет иметь в России особенно разрушительный эффект, потому что о близких отношениях Шиманна не только с Внешнеполитическим ведомством, но и с Его Величеством Императором, конечно же, хорошо известно в авторитетных кругах в Петербурге». По мнению Бюлова, Мюльберг и Хамманн должны были дать понять Шиманну, чтобы тот «не ставил историка выше политика» [33, S. 225].

Вмешательство канцлера имело потрясающий успех. Буквально в следующей же колонке в «*Kreuz-Zeitung*» от 20 июля 1904 г. Шиманн заявлял, что благодаря недавно прошедшим дождям перспективы урожая «весьма благоприятным образом» улучшились, что находилось в вопиющем противоречии с обычным сельскохозяйственным опытом [28, S. 224]. Теперь он стал настойчиво защищать российское правительство перед лицом социальных протестов. По его мнению, реформы провалились не по воле правительства или царя, а из-за «орудий труда» на нижнем уровне и «человеческого материала, который

необходимо было реформировать и организовать» [Ibid., S. 225–227]. Эти слова явно были адресованы Плеве, как выяснилось неделю спустя. Министр внутренних дел, говорилось в статье от 3 августа 1904 г., через неделю после его насильственной смерти, наверняка по собственному почину предоставил бы после подавления необузданного реформаторского движения «ту степень свободы, к которой он их [граждан Российской империи. – Д. В.] считал готовыми» [Ibid., S. 244–245]. Не случайно в той же статье Шиманн положительно отмечал заключение торгового договора. Однако он не остановился на этой кардинальной смене тона в собственной публицистике. Он по своей инициативе предложил Бюлову поменять старые методы работы с российской печатью в целом. Ссылаясь на разговор с канцлером, в котором последний, среди прочего, посетовал на то, сколь сильно российская пресса находится под иностранным влиянием и «сколь мало находит выражение идея общности германо-российских интересов», профессор истории поднял в письме вопрос: «Можно ли привнести в российскую прессу в качестве программного пункта идею кооперации российской политики с Германией?» [34]. Он считал такие коррективы принципиально возможными и тем более важными, поскольку ожидал серьезных перемен в развитии России. «Уже одно только, что существует большая вероятность того, что исход нынешней войны приведет к эпохе либерального правления, – писал Шиманн, – в которой власть прессы должна значительно возрасти, делает желательным, чтобы мы тогда не остались без представительства в органах печати. ...Есть три способа добиться перемен к лучшему: подавление “Руси” и подобных ей органов печати российским правительством – что возможно при наличии воли со стороны Петербурга, – или подчинение влиянию уже существующего крупного русского издания, или, наконец, создание нового русского печатного органа с такой внешнеполитической программой, которая бы согласовывалась с нашими интересами. Какой из этих путей является возможным, издали решить нельзя и можно определить лишь путем рекогносцировки на месте, и о проведении подобной рекогносцировки в дни предстоящего праздника Пятидесятницы я и хотел бы просить». В Петербурге Шиманн хотел проконсультироваться с издателем «St. Petersburger Zeitung» и историком Паулем фон Кюгельгеном, заведующим отделом Министерства финансов Андерсом, своим бывшим студентом, а также со своим опытным в этом вопросе коллегой-историком В. А. Бильбасовым, бывшим с 1871 по 1883 г. соредактором «Голоса».

Бюлов первоначально с энтузиазмом поддержал предложение Шиманна [35]. Деньги не должны были иметь значения. Новая газета, в очередной раз на-

помнил он, не должна быть на первый взгляд дружественной Германии, а, наоборот, должна производить впечатление абсолютно русской. Однако канцлер призвал к максимальной осторожности. Шиманн должен был внешне действовать самостоятельно. Хамманн, однако же, был согласен с более скептической позицией посольства в Санкт-Петербурге и, учитывая прошлый опыт, не возлагал особых надежд на миссию Шиманна [36]. Очевидно, он уже сомневался в возможности сломить твердо сложившуюся направленность антигерманской прессы в России. Разведывательная поездка Шиманна, видимо, не состоялась. Лишь в 1905 г. Внешнеполитическое ведомство Германии отправило публициста и корреспондента Телеграфного агентства Вольфа Адольфа Штейна в Москву, где он сделал именно то, что ранее предлагал Шиманн, а именно провел разведку и установил контакты с умеренными российскими газетами [37, S. 103–104].

С подписанием российско-германского торгового соглашения сотрудничество между МВД России и Внешнеполитическим ведомством Германии выполнило свою первую задачу. Договор был заключен без полемики в прессе. Влияние Витте, казалось, было ограничено министерским комитетом, практически не имевшим политического значения. Однако убийство Плеве перечеркнуло все дальнейшие планы. Его гораздо более либеральный преемник, князь П. Д. Святополк-Мирский, считал все эти прямые вмешательства в прессу устаревшими. После подписания торгового договора быстро стал предметом интенсивных нападок националистической прессы в России на Германию, которая независимо от его еще совершенно неочевидных последствий видела в нем результат принуждения со стороны Германии в трудные времена [38, S. 180; 39, S. 106–107]. Альвенслебен в своем обзоре прессы за 1904 г. вновь смог констатировать лишь незначительное улучшение отношений между немецкой дипломатией и российскими газетами [40].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вульф Д. Отто фон Бисмарк и русская пресса / Д. Вульф // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 5–10.
2. Вульф Д. Новый курс в Германии и газетные войны с Россией (1890–1897 годы) / Д. Вульф // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2016. – № 2. – С. 46–49.
3. Wroblewski M. Moralische Eroberungen als Instrumente der Diplomatie. Die Informations- und Pressepolitik des Auswärtigen Amtes 1902–1914 / W. Wroblewski. – Göttingen, 2016. – 340 S.
4. Canis K. Von Bismarck zur Weltpolitik. Deutsche Außenpolitik 1890–1902 / K. Canis. – Berlin, 1997. – 430 S.
5. Canis K. Der Weg in den Abgrund. Deutsche Außenpolitik 1902–1914 / K. Canis. – Paderborn, 2011. – 719 S.

6. Рыбаченок И. С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX XX вв. : цели, задачи и методы / И. С. Рыбаченок. – М., 2012. – 582 с.
7. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее – PA). – R10521.
8. Vogel B. Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900–1906 / B. Vogel. – Düsseldorf, 1963. – 335 S.
9. Schneider I. Deutsche Russlandpolitik : 1890–1900 / I. Schneider. – Paderborn, 2003. – 344 S.
10. PA. – R10522. – 4.1.1903.
11. PA. – R10522. – 19.1.1903.
12. PA. – R10521.
13. PA. – R10523. – 18.04.1903.
14. Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes hg. von J. Lepsius. A. Mendelsohn Bartholdy, F. Thimme. – Bd. 18/1. – Berlin, 1924.
15. PA. – R10523. – 6.1.1904.
16. Ferenczi C. Funktion und Bedeutung der Presse in Russland vor 1914 / C. Ferenczi // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1982. – Bd. 30. – H. 3. – S. 362–398.
17. PA. – R10523. – 10.10.1903.
18. PA. – R10523. – 13.5.1904.
19. PA. – R10523. – 15.5.1904.
20. PA. – R10523. – 21.5.1904.
21. Wulff D. Der deutsch-russische Handelsvertrag von 1904. Hintergründe und Motive seines Abschlusses / D. Wulff // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. – 1988. – Bd. 32. – S. 129–147.
22. Шохин Л. «Для избежания жертв должно не воевать». Письма С. Ю. Витте С. Д. Шереметьеву / Л. Шохин // Источник. – 1995. – № 2. – С. 17–18.
23. Meyer K. Theodor Schiemann als politischer Publizist / K. Meyer. – Hamburg, 1956. – 320 S.
24. Ropponen P. Die Kraft Russlands. Wie beurteilte die politische und militärische Führung der europäischen Großmächte in der Zeit von 1905 bis 1914 die Kraft Russlands / P. Ropponen. – Helsinki, 1968. – 321 S.
25. Bülow B. v. Denkwürdigkeiten / B. v. Bülow. – Bd. 2. – Berlin, 1930. – 531 S.
26. Campion L. K. Behind the Modern Drang nach Osten: Baltic Emigrés and Russophobia in Nineteenth-Century Germany / L. K. Campion. – Bloomington, Ind., 1966. – 252 p.
27. Bülow B. v. Denkwürdigkeiten / B. v. Bülow. – Bd. 3. – Berlin, 1931. – 433 S.
28. Schiemann T. Deutschland und die große Politik, anno 1904 / T. Schiemann. – Berlin, 1905. – 303 S.
29. PA. – R10523. – 29.5.1904.
30. PA. – R10524. – 10.6.1904.
31. PA. – R10523. – 24.6.1904.
32. PA. – R10027.
33. Vogel B. Die deutsche Regierung und die russische Revolution von 1905 / B. Vogel ; I. Geiss, B. J. Wendt (Hg.) // Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. – Düsseldorf, 1973. – S. 222–236.
34. PA. – R10523. – 10.5.1904.
35. PA. – R10523. – 14.5.1904.
36. PA. – R10523. – 16.5.1904.
37. Lemke H. Pressepolitik in den deutsch-russischen Beziehungen vor dem ersten Weltkrieg / H. Lemke // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. – 1988. – Bd. 32. – S. 95–110.
38. Altrichter H. Konstitutionalismus und Imperialismus : der deutsche Reichstag und die deutsch-russischen Beziehungen 1890–1914 / H. Altrichter. – Frankfurt a. M. ; Bern ; Las Vegas, 1977. – 426 S.
39. Котов Б. С. Русско-германские торговые отношения накануне Первой мировой войны в оценке русской прессы / Б. С. Котов // Вопросы истории. – 2012. – № 2. – С. 104–118.
40. PA. – R10524. – 1.1.1905.

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

Вульф Д., доктор философии, долгосрочный доцент ДААД

E-mail: dwulff@hse.ru

National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg)

Wulff D., Doctor of Philosophy, Permanent Visiting Associate Professor of the DAAD

E-mail: dwulff@hse.ru